

Анатолий Контуш

Искусство правильно читать КНИГИ

Записки путешественника

Одесса. «Одесские рассказы»

Все получалось слишком удачно, и мне, наверное, нужно было быть осторожнее, но я был уверен, что в конце концов разобрался, в чем причина всех этих историй. Теперь я знал, что можно извлечь из книг, кроме вложенных туда когда-то высушенных цветов и бумажных денег, знал и мог использовать это в своих целях. Несколько самонадеянно я считал, что мне удалось разгадать, какой скрытый смысл может таиться за привычными росчерками букв и черточками знаков препинания. Мы твердо убеждены, что в книгах спрятаны самые важные знания, накопленные человечеством

в течение столетий. Не случайно в древней университетской Коимбре неопределимая библиотека Жуанина располагается на самой вершине холма, вздымаясь выше кафедрального собора, так, чтобы при нападении на город она была бы захвачена в послед-

ную очередь. Нам кажется, что для извлечения этих знаний достаточно лишь чтения, и мы не задумываемся над тем, что читать можно по-разному. Мое открытие состояло в том, что обстоятельства чтения важны не меньше описываемой истории, и что если правильно их выбрать, можно пережить то, о чем в иных случаях остается только мечтать.

Поэтому я был совершенно спокоен, когда открыл «Одесские рассказы»* на пляже Черноморки через два дня после твоего приезда: волны накатывали на песок, чайки скользили в небе, и мы лежали рядом на купальном полотенце «Vent du Sud»**, которое ты привезла с собой из Франции. Жаркий порыв ветра налетел на глинистый склон, и солнце в голубом оцепенении повисло над берегом.

– Mais la mer est très belle***, – сказала ты, поднялась и пошла к воде.

Мы посидели на пляже еще немного и поехали в город, так и не поднявшись на дачу.

Ты остановилась в небольшой гостинице на Осипова, номера которой были переоборудованы из старых квартир. Твой балкон второго этажа выходил в узкий двор, и оттуда было отлично видно все, что происходило во флигеле напротив. По вечерам почти все окна были освещены, и четкие фигуры то и дело бесшумно появлялись в желтых проемах и так же бесшумно исчезали, как на театральной сцене. Мы пили шабское вино на балконе в густеющих сумерках посреди листьев винограда, а утром шли завтракать в одно из кафе на Пушкинской. Все было замечательно, и только однажды, возвращаясь домой в темноте, я заметил, как по площади перед собором прошел человек в валеных сапогах, странных для августовской жары. Человек легко шел через площадь на раздутых ногах, и в его истертом лице красно-черным блеском горели оживленные глаза.

До твоего отъезда оставалось три дня, и я еще мог отложить книгу, но не подумал об этом; мы гуляли по городу, ездили на пляж и ужинали с друзьями, а потом бродили по темным улицам,

* Книга Исаака Бабеля, действие которой происходит в Одессе.

** «Южный ветер» (фр.).

*** Но море очень красиво (фр.).

заглядывая в парадные и заходя во дворы. Ты была в восторге, ведь во Франции такое развлечение исчезло много лет назад. В одном из домов на Гоголя за первым, обычным, двором мы обнаружили второй, таинственный, тесный, заросший розами и виноградом; дверь в парадную была открыта, и мы поднялись по старой деревянной лестнице до последнего этажа, разглядывая старую мебель на площадках, допотопные звонки на дверях и неприличные надписи на стенах. Ночи были жаркими, и ты ненадолго включала кондиционер перед сном и шла в душ, а потом сидела в широкой постели с влажными волосами, что-то читая на русском.

В последний день мы съездили на Фонтан, нырнули с пирса, доплыли до волнореза, постояли на скользком, обросшем водорослями камне, глядя на пыльные склоны, прогулялись вдоль моря и вызвали такси: до самолета оставалось еще шесть часов. Солнце как раз добралось до середины блистающего неба, и далеко за нашими спинами море накатывалось на Пересыпь изумрудной водой Одесского залива.

Когда мы поднялись наверх, машина уже стояла перед спуском.

– Быстрее, быстрее, вы что, не знаете, что происходит?! – вместо приветствия нетерпеливо проговорил водитель.

– Нет, а что? – спросил я.

– Ну как: все разваливается! – воскликнул он. И не задумываясь, добавил: – Наконец.

Машина рванула с места; я оглянулся: ты пристально смотрела в окно на уходящий к дачам переулок, который был желт и пустынен.

На подъезде к десятой станции мы оказались в пробке. Со стороны города доносился неясный гул, похожий на отголоски бури. Шоферы отчаянно сигналили, заезжали на тротуары и пытались выехать на встречную, но из города навстречу нам шел необычно плотный для летнего дня поток автомобилей.

– Бегут, – зло проговорил водитель. – Было бы только куда.

Перед пятой станцией движение практически остановилось. Далекий рокот стал сильнее, разделившись на отдельные удары, как при строительных работах. Когда мы наконец выехали

на перекресток, в многоэтажке на Черняховского справа от нас с грохотом обрушился балкон. Мы увидели, как люди побежали с площади в прилегающие улицы. Водитель грязно выругался, вывернул руль, выскочил на тротуар и понесся в сторону города, распугивая редких пешеходов.

На четвертой станции заторов стало меньше, и мы быстро проскочили Среднефонтанскую, но перед самым выездом на Привокзальную площадь снова остановились в окружении десятков машин. Шум за окном усилился до такой степени, что заглушил гудение автомобилей. Слева от нас, на тротуаре перед зданием вокзала, полицейские с трудом сдерживали рвущуюся внутрь толпу.

– Последний поезд на Киев в 21:50, – проговорил водитель. – Говорят, что завтра никаких поездов больше не будет.

На улице было совсем светло. Я посмотрел на часы: стрелки показывали 18:40.

Мы наконец пересекли Пантелеймоновскую, свернули с Пушкинской на Троицкую и уже через три минуты открывали дверь твоего номера. Ты принялась быстро складывать чемодан, забрасывая туда мокрые вещи вперемежку с сухими, а я, чтобы не мешать, вышел на балкон, присел на стул и открыл книгу. Уже расстреляли Колю Лapidуса после допроса, длившегося недолго, и старуха с мохнатой бровью и в мужских штиблетах, перевязанных бечевкой, зашла во двор, но я все читал и никак не мог остановиться. Ты захлопнула чемодан, щелкнула замком, и мы кубарем скатились с лестницы, прыгнули на заднее сиденье и через несколько секунд уже поворачивали на Большую Арнаутскую.

Вся улица была наполнена хрустом, треском, пением разлетающейся штукатурки. На левой стороне молодой мужчина в жилете едва увернулся от рамы, вылетевшей с верхних этажей дома Гольдштейна. По правой стороне пробежала женщина с распалившимся красивым лицом, проворно лавируя между изломами уличных фонарей. Тротуары во многих местах были завалены грудями камней, из которых выглядывали доски, трубы и остатки арматуры. Вдоль стен было невозможно пройти, и прохожие жались к краям мостовой, с опаской поглядывая на полуразрушенные здания. Ровная плоскость фасадов то и дело нарушалась

разломами, сквозь которые виднелись разнообразные интерьеры – искореженные гостиные, разоренные спальни, облупленные коридоры.

– Si ça continue comme ça, demain il ne reste rien ici,* – проговорила ты, не отрываясь от стекла. Ты уезжала навсегда, и навстречу тебе из окна бежали проститься прямые улицы, исхоженные моим детством и юностью.

Мы выбрались на Госпитальную, объехав несколько завалов посреди мостовой, завернули на Степовую и наконец понеслись к аэропорту по широкому шоссе. Здесь дома стояли вдалеке от проезжей части, асфальт был чистым, и машины шли под восемьдесят, подсакивая на выбоинах, сигнали и обгоняя друг друга. Я на несколько секунд открыл книгу, чтобы не видеть, как ты все все время отводишь глаза, избегая моего взгляда. Нищий тающий дым поднялся из кухонь над Молдаванкой, и Фроим Грач вошел в здание Чека на Екатерининской площади.

Все пространство перед аэровокзалом было запружено автомобилями, и мы вышли метров за сто, тут же смешавшись с отъезжающими. Вокруг здания бушевала толпа, и внутрь было невозможно войти, но ты крикнула охраннику что-то по-французски, и он отступил, открывая проход, в который вслед за тобой ринулись случайно оказавшиеся рядом, но полицейские уже закрывали дверь с другой стороны. Ты оглянулась и внимательно посмотрела на меня сквозь стекло, как будто зная, что будет дальше, я помахал тебе рукой, отвернулся, чтобы ты не увидела мое лицо, и начал проталкиваться обратно. Далеко за летным полем, там, где кончалась земля, сияющий глаз заката падал в море, и края неба уже розовели над темнеющей степью.

Когда я спустился на причал, было за полночь, и четырехугольник Пегаса мерцал высоко над темным заливом. Я прошел по дороге мимо затихших куреней, поднялся по ступенькам на дачу, зажег свет над деревянным столом и открыл последнюю страницу. Фроим Грач с гримасой движения на лице лежал под брезентом на черном дворе у стены, увитой плющом, и два красноармейца курили над его трупом.

* Если так будет продолжаться, завтра тут ничего не останется (фр.).